

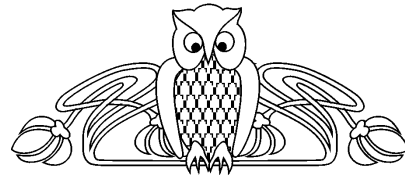

УДК 808.2-085

ОСНОВНЫЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.В. Андреева

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра русского языка и методики его преподавания
E-mail: svandreeva@rambler.ru

В статье предлагается классификация синтаксических единиц на основе их строения и функций применительно к устной речи.

The Main and Auxiliary Units of Oral Communication

S.V. Andreeva

The article offers a classification of syntactic units based on their structure and functions in oral speech.

Для лингвистики рубежа веков характерно интенсивное развитие как синтаксиса языка, так и синтаксиса речи. Наблюдается выраженная тенденция перехода от исследования фрагментов системы языка к исследованию **двушностного единства язык–речь**. Важнейшей становится проблема интеграции вычлененных языковых единиц и уровней лингвистического анализа. В фокусе внимания лингвистов – система язык–речь как функционирующее устройство во взаимодействии всех его составляющих.

Как в теоретическом языкознании, так и в практике преподавания, ориентирующегося на коммуникативную компетенцию говорящего, внимание лингвистов всё больше концентрируется на конечном речевом продукте – тексте и его составляющих (высказываниях). По мнению исследователей, всё говорит о том, что существует ещё не познанная речевая реальность, для осмысления которой рамки «грамматического» синтаксиса узки, но и вне синтаксиса она не может быть объяснена. Современный синтаксис не ограничивается грамматикой речи (в строгом смысле термина) и собственно языковыми характеристиками связной речи. Его предмет – фундаментальные языковые и внеязыковые законы, правила организации связной речи в их коммуникативном единстве.

Наши грамматические понятия в течение долгого времени складывались под влиянием письменной речи, и основной коммуникативной и синтаксической единицей счи-

талось предложение-высказывание. Однако членение потока устной речи на предложения оказывается довольно затруднительным. Выделенные из этого потока единицы далеко не всегда обладают признаками грамматического предложения. Еще Л.В. Щерба призывал к созданию грамматики русского литературного языка, которая бы отвечала объективной языковой действительности, управляющей нашей речью².

В результате активного изучения устно продуцируемой речи в современной науке о языке сделан важный вывод о том, что у устной речи, особенно в разговорной ее сфере, «своя грамматика». Эмпирические исследования речеведения приблизили этот вывод к общей грамматике речи, т.е. к тем законам, по которым строится речь, а в конечном счете – к лингвистике речи, раскрывающей закономерности как построения, так и функционирования речевых единиц. Вместе с тем, несмотря на большое количество работ по устной речи (разговорной, научной, телевизионной и т.д.)³, сама система синтаксических единиц еще не разработана, а разработанная для письменной речи плохо подходит к речи устной⁴.

Материалом нашего исследования послужила устно продуцируемая речь (магнитофонные и ручные записи разговорно-бытовых, массово-информационных и научных дискурсов производились автором в период с 1997 по 2006 г.), а также опубликованные тексты устной речи. Объем исследованного материала составил 51 тысячу словоупотреблений (общий объем фактического материала приближается к ста пятидесяти тысячам).

Сложность вычленения и классификации единиц устной коммуникации обусловлена недискретностью речевых фактов, нечеткостью границ между ними, наличием

переходных явлений, гибридных образований. Как известно, проблема языкового континуума, диалектики непрерывного и прерывного в языке-речи является одной из важнейших в лингвистике.

На основе проведенного анализа конкретных устных дискурсов и литературных данных нами установлены *четыре вида информации*, передаваемой единицами речевой коммуникации.

Под *фактуальной информацией* понимается всё то, что пополняет интеллектуальный запас знаний человека или содержит сведения бытового характера, необходимые в данный момент.

Как установили исследователи, со стороны адресата коммуникация предполагает не только декодирование семантики языковых знаков, но и раскрытие использованных глубинных смыслов текста, пресуппозиций, авторских стратегий, учет фоновых знаний, ситуации общения и структуры дискурса. В рамках нашего исследования – это распознавание разнообразной коммуникативной и дискурсивной информации. К этим выводам близки теоретические положения О.Б. Йокоямы о семи видах знания, в том числе метаинформационном, совершенно необходимым для успешного осуществления информационного дискурса⁵. Для нас важно утверждение исследовательницы о том, что средства передачи метаинформационного знания (знания кода и дискурсивной ситуации) вырабатываются в каждом языке, следовательно, само это знание универсально для разных языковых систем и без него невозможен прием фактуальной информации.

Коммуникативная информация отражает взаимодействие между автором речи и ее адресатом и, следовательно, направлена на организацию общения: информативность в контакто-регулирующем плане (поддержание контакта, оформление этапов интеракции); информативность в оценочно-интерпретационном плане речи/ситуации; информативность в плане интерперсональных отношений (интимизация общения, смягчение категоричности суждений и т.п.).

Дискурсивная информация направлена на организацию дискурса и ориентацию адресата в нем для оптимального восприятия как фактуальной, так и коммуникативной

информации: информативность в плане структурирования дискурса, обозначения роли фрагмента в тексте, отношения к нему автора и т.д.

Сигнальная «информация» – это информативность произвольных речевых проявлений (в том числе табуированных восклицаний и их заменителей) – выражение психофизиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего.

В исследованном материале устной речи функционируют как речевые единицы, выражающие определенную информацию в «числом» ее виде, так и выражающие информацию сразу двух видов.

В результате исследования «многоликой» речевой реальности выделены два типа единиц: основные, составляющие «костяк» синтаксиса речи, и вспомогательные, используемые говорящим факультативно, так как их функционирование ограничено конкретными речереорганизуемыми задачами.

Основные единицы речевой коммуникации условно назовем «конструктивно-синтаксическими единицами» (КСЕ). Данный термин свидетельствует о том, что в фокусе внимания находятся не общепринятые синтаксические единицы (синтаксема, словосочетание, простое предложение, сложное предложение и т.д.), а строевые элементы дискурса, функционирующие самостоятельно или в составе более сложных единиц. Компонент *конструктивно-* указывает не на соединение неких элементов в составе единицы, а на их роль в организации, конструировании дискурса. Этот термин позволяет охватить как предложенческие, так и непредложенческие, как предикативные, так и непредикативные речевые факты, в то время как термин «предикативная единица» исключает исследование непредложенческих единиц, термин «предложение» исключает исследование единиц не только непредложенческих, но и в составе сложного предложения, а термин «высказывание» связан только с коммуникативным уровнем синтаксиса.

Поскольку речевое и языковое существуют в органическом единстве, можно говорить о двуплановости этих единиц: в них происходит соединение (слияние) конструктивно-синтаксических (это элементы синтаксического уровня языка) и коммуникативно-функциональных (это компоненты коммуни-

кативного уровня речи) характеристик. Двуплановостью этих единиц обусловлен принятый нами двусторонний подход к возможности их анализа: конструктивно-синтаксический (парадигматический) и синтагматический (с учетом контекстуальных и речевых факторов). Это дает возможность подойти к объекту исследования (устная русская речь) как к системе, определить взаимосвязь ее компонентов, выявить внутренние связи изучаемых единиц с инвариантной системой языка. Как известно, любое исследование «приобретает необходимую объяснительную силу лишь в том случае, если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом между системой и средой»⁶.

Основные (конструктивно-синтаксические) единицы речевой коммуникации можно определить следующим образом: это наименьшие структурные единицы как предложеческого типа на основе свободного конструирования, характеризующиеся реальной, формальной или актуально-ситуативной предикативностью, так и клишированные единицы релятивного типа, не обладающие признаками грамматической моделируемости и предикативности, но отличающиеся семантической и интонационной завершенностью и вместе с предложеческими единицами образующие «костяк» («тело») дискурса, особенно в устной диалогической речи.

Непредложеческие единицы релятивного типа, выполняющие речерегулирующие функции, большинство ученых называют коммуникативами (А. *Ну будешь/ хочешь в команду?* – Б. *А то!*). Наряду с данным термином в лингвистической литературе встречается еще целый ряд терминов. Терминологическая пестрота в обозначении рассматриваемого речевого феномена отражает не только неопределенность его статуса и в связи с этим разные подходы ученых, но и диффузный характер единиц данного класса⁷.

Конструктивно-синтаксическими единицами в строгом смысле этого слова могут называться только предложеческие структуры. Коммуникативы релятивного типа (*Еще чего! Да ну!* и др.) должны быть противопоставлены предложеческим КСЕ на основании отсутствия общей для них формы и предикативного признака. Коммуникативы обязательны для диалога, но могут отсутст-

вовать в монологе (особенно письменном). Однако, используя термин «конструктивно-синтаксические единицы», мы стремились подчеркнуть, что указанные предложеческие и непредложеческие структуры являются основными единицами речевой коммуникации в отличие от единиц вспомогательных, факкультативных.

Нужно признать, что номинативно некоторые из коммуникативов вошли в лексическую систему языка (*Да; Нет; Ну за что* и т.п.). Но подавляющее большинство представляет собой функциональные единицы регулятивной направленности. Проведенное нами исследование доказывает, что, являясь функциональным эквивалентом предложения, принадлежащий сфере дискурсивной модальности непредикативный нечленимый коммуникатив представляет собой самостоятельную речевую единицу наряду с инвариантной единицей языка – предложением (обладающим семантической и формальной структурой, предназначенной для формирования и передачи диктумного, номинативного содержания).

Мы можем предположить наличие двух ядерных единиц синтаксического поля КСЕ: первой – предложеческого типа, формирующей коммуникативно-информативную зону устной коммуникации, второй – непредложеческого типа, формирующей коммуникативно-регулятивную зону. Единицы в форме предложения функционируют в письменной и устной речи, но частотность их конкретных реализаций различна в разных видах и той, и другой формы речи. Непредложеческие единицы присущи прежде всего устной речи и лишь частично отражены в письменной.

Остановимся на таком важном для классификации КСЕ признаке, как особенности реализации категории предикативности. Как известно, категория предикативности – специфический признак предложения. Предложеческие структуры предикативны, поскольку в них выражается соотнесенность «высказанного содержания» с реальной действительностью. В случаях, когда категория предикативности реализуется в самой речевой единице посредством сегментных или суперсегментных средств выражения, считаем ее эксплицитной. Об имплицитной предикативности

кативности можно говорить тогда, когда речевая единица получает предикативный признак, «отраженный» от контекстного окружения: А. *Кефирчик выпьешь?* – Б. **Кефирчик с удовольствием**//. Предикативные характеристики, заданные контекстуально (вопросом А.), распространяются и на ответ Б. *Кефирчик с удовольствием*, представляющий собой неполную реализацию грамматической модели предложения. В данном случае предикативность реализуется в контекстном окружении, а рассматриваемая единица получает ее в «отраженном» виде, что позволяет нам считать такую предикативность имплицитной. Актуально-ситуативная предикативность возникает тогда, когда сама ситуация (запроса информации, просьбы) является неязыковым средством, позволяющим соотнести содержание предельно редуцированного высказывания с реальной действительностью, что позволяет говорить о распространении на речевую единицу предикативных характеристик, заданных ситуацией: (У прилавка магазина) *Два пакета молока*//; (В банке) *Выписки 3726*//.

Предикативность, реализующаяся через грамматические показатели, может оказаться только **формальной**: *Слушай*/ (1) *ты не знаешь...*; (Из речи радио- и телеведущих) *Догоняйте нас на радиоволнах Ваших радиоприемников!* (2); *Не переключайтесь!* (3) *Оставайтесь с нами!* (4). Предикативно оформленное определенно-личное предложение *Слушай* в (1) по своему коммуникативному назначению – инициальная фатическая реплика. Она лишена пропозитивного компонента, не является членом модальной парадигмы предложения, следовательно, ее предикативность формальна. Очевидно, что информативный компонент функционально угнетен и в случае (2): «призыв» радиоведущего *Догоняйте нас на радиоволнах Ваших радиоприемников!* обращен к тем, кто уже «поймал» волну данной радиостанции. В разной степени семантически опустошены и другие фатические реплики.

Проведенный анализ позволил выделить пять типов конструктивно-синтаксических единиц. В основу классификации положены следующие ведущие дифференциальные признаки: наличие/отсутствие коммуникативной самодостаточности единицы, особенности ре-

ализации в ней категории предикативности, соотношение диктумной (пропозициональной) и модусной составляющих, соответствие грамматической модели, характер передаваемой информации, функциональная направленность.

Первый тип КСЕ – **типичная предикативная единица** – это автосемантическая/синсемантическая КСЕ с реальной эксплицитной или имплицитной предикативностью; сочетающая диктумные и модусные смыслы; реализующая инвариантную грамматическую модель (возможна системная или контекстуальная ее неполнота); несущая в основном фактуальную информацию, т.е. выполняющая информативную функцию, но иногда используемая для передачи коммуникативной информации и в этом случае имеющая речерегулирующую функциональную направленность: *Я слышал!* (1) (*что завтра обещают дожди*)// (2); А. *Когда мы встречаемся?* (3) – Б. *Только когда она придет!* (4); *Как концерт?* (5) = Какое впечатление произвел концерт?; *Аня подарила сестренке/ сотовый/* (6) (*а сестренка ей/ ручку*)// (7); *Оставайтесь с нами!* (8). Приведенные примеры иллюстрируют: автосеманτικότητα (3,5,6,8.), синсеманτικότητα (1,2,4,7) типичных предикативных единиц; соответствие грамматическим моделям предложения: системно-языковая неполнота модели наблюдается в (5) и контекстуальная неполнота – в (7). Типичные предикативные единицы реализуют имплицитную (7) или эксплицитную предикативность (в остальных случаях). Приведенные единицы характеризуются сочетанием диктумных и модусных смыслов; представлением фактуальной информации и информативной функциональной направленностью в (1–7) или коммуникативной информации и речерегулирующей направленностью в (8).

Второй тип – **структурно модифицированная предикативная единица**. Это автосемантическая/синсемантическая КСЕ с реальной эксплицитной/имплицитной или актуально-ситуативной предикативностью, сочетающая диктумные и модусные смыслы, базирующаяся на структурно модифицированной модели предложения (типизированный разговорный вариант модели, слабооформленное построение, ситуативно редуциро-

ванное и т.п.), несущая в основном фактуальную информацию, т.е. имеющая информативную функциональную направленность: **Вот этот вот термин/ он введен мною//** (1); **Ну-у/твоя тушь/коне-е-чно...** (2) = очень высокого качества/дорогая; (В аптеке) **Панангин//** (3). Приведены структурно модифицированные предикативные единицы: типизированные разговорные варианты моделей – конструкция с именительным темы (1), намеренно структурно незавершенное высказывание с обрывом синтагматической цепи (2); предельно редуцированное построение, в котором вербализован только предмет восприятия, остальная часть конструкции семантизируется ситуационно (3). Все КСЕ предикативны, но характеризуются разными способами оформления предикативного значения: (1) – эксплицитной предикативностью, выраженной формально-грамматически; (2) – эксплицитной предикативностью, реализованной посредством суперсегментных средств; (3) – актуально-ситуативной предикативностью, поскольку ситуация приобретения лекарственного препарата выступает неязыковым средством выражения предикативности. Все единицы характеризуются информативной направленностью, так как передают фактуальную информацию.

Третий тип – **функционально-семантически модифицированная предикативная единица (коммуникатив с формальной предикативностью)** – это автосемантическая/синсемантическая КСЕ с эксплицитной, но всегда формальной, а не реальной предикативностью, с функционально активизированной модусной и угнетенной диктумной составляющей, реализующая грамматическую модель предложения, однако несущая коммуникативную информацию и соответственно имеющая только речерегулирующую направленность: (По телефону) А. **До свидания, дорогая!** – Б. **Целую тебя!** (1); **Так что вы думаете?** (2) **Этот альбом у нее сохранился!**; (Обращаясь к входящему в комнату) **Пришел?** (3); **Вообрази/** (4) **идет она вчера по проспекту...; Она мне ничего не отдала/представляешь?** (5). КСЕ (1,3) функционируют как автосемантические, (2,4,5) – синсемантические (предваряют информативные высказывания или находятся внутри них в качестве сегментов, играющих роль фатиче-

ских маркеров). Коммуникатив с формальной предикативностью реализует грамматическую модель предложения, однако это и не предложение, и не коммуникатив в их обычном понимании. У КСЕ этого типа, несмотря на их эксплицитную предикативность, информативный компонент и диктумная составляющая функционально угнетены: (1) приближается к статусу клишированных этикетных формул; (2,4) подготавливают собеседника к восприятию последующей информативной части высказывания, обеспечивая «активного слушателя»; (3) используется для установления контакта; (5) позволяет говорящему апеллировать не только к вниманию собеседника, но и к его чувствам.

Четвертый тип – **предикативно-релятивная единица (гибридный коммуникатив)** – это автосемантическая/синсемантическая КСЕ с реальной эксплицитной или имплицитной предикативностью, с доминирующей модусной и ослабленной диктумной составляющей, реализующая фразеологизированную грамматическую модель предложения, сочетающая фактуальную и коммуникативную информацию, поэтому характеризующаяся информативно-речерегулирующей функциональной направленностью: А. **Как твои?** (1) **Привет им!** (2) – Б. **Спасибо//**. В эллиптических вариантах предложений **Как твои?** (в полной форме: Как твои близкие поживают/чувствуют себя?) и **Привет им!** (Передавай им привет!) фатическая составляющая доминирует над информативной. Вопросительное высказывание (1) – это фактически не запрос информации о состоянии дел и здоровья, а этикетная формула выражения внимания, участия, о чем свидетельствуют как последующая реплика, так и реакция собеседника (**Спасибо**). А. **Пока!** – Б. **До завтра!** (3) Информативное содержание гибридного информатива (3) сохраняется (**Расстаемся до завтра** – до определенного срока). Однако на самом деле это формула прощания, поэтому можно говорить о том, что фатическая составляющая усилена, а информативная ослаблена. А. **Тебе эта музыка не нравится?** – Б. **Почему не нравится?** (4) – А. **Ну ты как я включаю/ всё время на кухне торчишь//**. Гибридный коммуникатив **Почему не нравится?** (4) осуществляет запрос информации (информативная составля-

ющая), вместе с тем в позиции ответной реплики, так же как в частных вопросах, в нем ощутимо модальное значение. Информативная составляющая осложнена коммуникативными параметрами: это не просто запрос информации, а еще и «реакция на модус полагания» (Н.Д. Арутюнова) высказывания собеседника (= Непонятно, почему ты так считаешь; ты не права).

Из приведенных примеров видно, что гибридный коммуникатив может характеризоваться как автосемантической (1,2,3), так и синсемантической (4); как эксплицитной предикативностью (1,2,3), так и имплицитной (4); реализовывать фразеологизованную эллиптическую модель предложения в ее системно-неполном (1,2,3) или контекстуально неполном (4) варианте; сочетать информативную и речерегулирующую функциональную направленность.

Важно подчеркнуть, что в отличие от собственно коммуникативов, фразеологизованных на уровне и формы и содержания, гибридные коммуникативы фразеологизованы только на уровне формы. Это единицы несвободной структуры с относительно свободной понятийной семантикой.

Пятый тип – **релятивная единица (собственно коммуникатив)** – это синсемантическая непредикативная КСЕ, выражающая модусные смыслы, несущая прежде всего коммуникативную информацию⁸, имеющая речерегулирующую направленность. Вследствие денотативной опустошенности коммуникатив не является членом предложения (элементом субъектно-предикатной структуры): А. *Пока!* (1) – Б. *Ну давай!* (2). В реактивных единицах (1,2), выполняющих функцию размыкания контакта, фатический компонент покрывает всё высказывание.

Вспомогательные единицы речевой коммуникации, не составляющие «костяк» синтаксиса речи, функционируют в устной речи наряду с основными единицами (выделенными пятью типами КСЕ). Это дискурсив, диалогический повтор и звуковой жест.

В последнее время **дискурсивные слова** и близкие к ним единицы стали объектом пристального внимания исследователей-русистов⁹.

В англистике дискурсивные единицы («discourse markers», «inserts», «function words») получают освещение в современных

грамматиках¹⁰. Англоязычная научная литература отражает интерес к самым разнообразным дискурсивным элементам: в фокусе внимания ученых находятся связки («connectives»)¹¹, дискурсивные элементы («discourse markers», «formulae») как монолога, так и диалога¹².

Поскольку список дискурсивных слов и выражений далеко не полон, терминологический аппарат еще не устоялся («дискурсивные слова» – А.Н. Баранов и др., «метатекстовые элементы» – Е.В. Падучева, «структурные слова» – В.В. Морковкин, «рефлективы» – И.Т. Вепрева, «дискурсивные маркеры» – М.Д. Смирнова, а также «логические частицы», «модальные частицы», «коннекторы» и т.п.), целесообразно при широком понимании этого явления пользоваться термином «дискурсивы».

В роли дискурсивно-структурирующих единиц выступают прежде всего предложно-падежные формы, служебные и полуслужебные лексемы, частицы, модальные слова, некоторые знаменательные слова, организующие дискурс (*все-навсего, по всей видимости, только, лишь, разумеется, скажем* и др.), а также типичные предикативные единицы дискурсивной направленности (*Вот это я говорила о законах дистрибуции// Следующий вопрос//* – предикативные единицы ориентируют адресата в потоке речи: информируют об исчерпанности темы и переходе к новому тематическому фрагменту сообщения).

Наши наблюдения над дискурсивами (включая так называемые метатекстовые конструкции, средства речевой рефлексии) показали, что они имеют самую разнообразную структурную организацию и предикативное оформление. Это может быть 1) предикативно оформленная единица: *так теперь его называют; как вы удачно выразились; это слово трудно заменить*; 2) полупредикативная единица: *выражаясь современным языком; уже ставшее привычным понятие; попросту / условно говоря*; 3) инфинитивная единица непредикативного характера: *проще/ точнее сказать; лучше говорить*; 4) частично десемантизированные глаголы: *скажем, глядишь*; 5) сочетания словоформ: *по словам декана; дело в том* и т.п.

Второй вспомогательной единицей речевой коммуникации является **диалогический повтор**, выступающий как вторая реплика диалога, т.е. речевая реакция одного коммуниканта на высказывание другого. Такой повтор – широко распространенное речевое явление, обусловленное диалогическим видом общения, поскольку «непринужденный разговор почти всегда включает в себя повторы как конструктивный элемент диалога»¹³. Как считают исследователи, использование в речи слушающего слов говорящего («чужого материала») является процессом естественным и практически неизбежным.

Исследования последних лет показали, что диалогический повтор не только явление русской диалогической речи, но и общеречевая универсалия, о чем свидетельствуют работы, выполненные на материале других языков¹⁴.

Диалогический повтор (ДП) рассматривался учеными в основном с точки зрения его структуры и роли в организации диалогического единства¹⁵. Этот речевой феномен нуждается в изучении в качестве средства, осуществляющего технологию речевого воздействия в диалоге. ДП исследован далеко не во всех аспектах, в частности, не определены его коммуникативные функции в устно продуцируемой речи¹⁶. Попытка такой типологии предпринята в одной из наших работ¹⁷. Так, ДП в качестве «маркера несоответствия» указывает на несоответствие сообщения представлениям слушающего о предмете речи: А. *Между вторым и третьим этажом/ лежит переноска черная//* – Б. *Между вторым и третьим?* (В доме только два этажа) – А. *Ой! Между первым и вторым//*. «Эхоповторам», напротив, свойственны автоматизм и информативная опустошенность, что не способствует реализации определенных стратегий и тактик: А. *Сколько тебе сарделек/ одну/ две?* – Б. *Две//* – А. *Две //*.

Не решены лингвистами и вопросы о статусе ДП, его месте в системе единиц устной коммуникации. Можно дать следующее рабочее определение диалогического повтора: это реактивные реплики диалогического единства, опирающиеся на лексико-грамматические составы реплик-стимулов («чужой материал») и поэтому формально синсемантические; выражающие модусные и в какой-то

степени диктумные смыслы, «отраженные» от реплик-стимулов, имеющие коммуникативно-регулятивную и дискурсивно-структурирующую направленность.

В отличие от коммуникатива, который как конструктивно-синтаксическая единица характеризуется совокупностью структурно-семантических и функциональных признаков, дискурсивы и диалогические повторы не образуют единого функционального класса единиц, поскольку не имеют четких границ и собственных дифференциальных структурно-семантических признаков. Данные единицы не приобретают самостоятельного значения в дискурсе, а только организуют его (могут находиться в составе других единиц); они факультативны, хотя и очень важны. На этих основаниях делаем вывод о том, что они являются не основными, а вспомогательными единицами дискурса и речевой коммуникации в целом.

К вспомогательным единицам речевой коммуникации мы относим и **звуковые жесты** – произвольные восклицания, выполняющие только сигнальную функцию: сигналы психо-физиологического и эмоционально-чувственного состояния говорящего.

Безусловно-рефлекторные речевые проявления – это первичная система произвольных восклицаний, связанная с подсознанием и сближающая человека с животным миром. Речевые проявления такого рода, когда звучание опережает осмысление эмоций, мы условно называем «докоммуникативными» знаками. Ядро этой системы отличается статичностью. Они могут быть отнесены к специфической сфере, названной Ж. Дюреном «инфра-языковой» (от лат. *infra*, что означает *ниже, под*). Согласно теории Ж. Дюрена, человек, наступивший на кнопку босой ногой и испустивший крик или громкое ругательство, осуществляет речевое (и неречевое) поведение в рамках указанной сферы. Произвольные восклицания, постанывания и побряхтывания «как будто существуют до той парадигмо-синтагматической «игры», которая со времён Соссюра считается самой существенной чертой явления «человеческая речь»¹⁸: (Сморщившись) **О-ох!** (1) *Что-то опять колет!*; (Автомобиль «подрезала» другая машина. Водитель, вспыхнув) **У-ух! Блин!** (2). Безусловно-рефлекторные рече-

вые реакции (1, 2), произвольно возникающие в ответ на неожиданное явление, ощущение, нельзя считать подлинной речью: «они не являются передачей сообщения о событии или отношении с помощью кодов языка»¹⁹.

Как показывают наблюдения, «докоммуникативные» знаки отличаются спаянностью с конкретной ситуацией. Эти непредикативные речения *Фу!* (ощущение отталкивающего запаха) *Ай!* *Ой!* *Фу ты!* *Ха-ха!* и т.п. характеризуются отсутствием диктумной части (пропозиционального содержания). «Докоммуникативный» знак в отличие от коммуникативного не направлен на речевое взаимодействие собеседников. По мнению В. Гладрова, высказанному им в личной беседе с автором во время II Конгресса исследователей русского языка (2004), междометия только сигнализируют о «ментальном» состоянии того, кто их производит. В. Гладров, видимо, включает в понятие «ментальный» и ощущения. Нам представляется более адекватным термин «психо-физиологическое» состояние, так как речь идет об эмоциональном, физическом состоянии человека, а также о некоторых личностных его качествах. Такие произвольные речевые проявления (междометия и некоторые звуковые комбинации), вслед за Е.Д. Поливановым²⁰, условно называем «звуковыми жестами», поскольку они не столько сигнификативны, сколько сигнальны²¹. Таким образом, звуковой жест – это самостоятельная непредикативная нечленяемая междометная речевая единица, имеющая сигнальную функцию (часто это сигнал о неблагоприятном психо-физиологическом или эмоционально-чувственном состоянии говорящего).

В основе проведенного анализа – функциональная направленность единицы (информативная, фатическая, регулятивная, дискурсивно-структурирующая или их сочетание), разграничивающая составные части высказывания и не позволяющая объединять их в единое элементарное синтаксическое целое. Поэтому члены предложения в качестве самостоятельных речевых единиц нами не вычленялись, парцелляты считались неполными КСЕ, а речевые жесты, разные виды дискурсивов вычленялись в качестве особых вспомогательных речевых единиц, поскольку

они не входят в диктум предложения, а следовательно, не видоизменяют фактуальную информацию, привнося информацию другого вида. При вычленении вспомогательных единиц речевой коммуникации учитывались также следующие моменты: 1) коммуникативное, интонационное их выделение и образование ими особой синтагмы, 2) возможность при определенных условиях быть самостоятельной единицей.

Таким образом, при анализе КСЕ мы опирались как на дедуктивный подход (шли от гипотезы, что они информативны и соответствуют установленным нами дифференциальным признакам), так и на индуктивный (отсутствие или наличие дополнительной фактуальной информации). При анализе вспомогательных единиц речевой коммуникации применялся чисто индуктивный подход. Как показал индуктивный путь, в речи возможно ослабление информативности единиц, вплоть до полной ее утраты.

Приведем фрагмент телефонного разговора²² и последующего анализа всех выделенных в нем единиц речевой коммуникации (каждая речевая единица сопровождается порядковым номером в круглых скобках).

Ситуативный контекст: разговор по телефону подруг – Л. (филолог, преподаватель вуза, 39 лет) и М. (домохозяйка, по образованию филолог, 42 года). Накануне М. с мужем были в гостях у Л. Сергей – муж Л.

Л. *Алло!* (1) (пауза) *Алло!* (2) М. *Леночка!* (3) *привет!* (4) Л. *Ой!* (5) *Маринка!* (6) *привет!* (7) М. *Мы вас вчера не сильно утомили?* (8) Л. *Да ты что!* (9) *я так рада была* (10) *что вы пришли!* (11) М. *А то мне показалось!* (12) *что Сережка засыпал совсем!* (13) Л. *Нет!* (14) *ты знаешь!* (15) *он что-то так на работе переутомляется!* (16)...

Коммуникативы *Алло!* (1,2) демонстрируют готовность к контакту, управляют партнером коммуникации, приглашая к реализации речевой инициативы. Звуковой жест *Ой!* (5) можно квалифицировать в данном случае как коммуникатив, характеризующийся двойственной ролью: сигнальной (опознавание собеседницы) и регулятивной (радость по поводу контакта).

Привет! (4, 7) квалифицируем как собственно коммуникативы, осуществляющие «социальное поглаживание» (Н.И. Формановская) собеседницы при установлении контакта.

Обращения *Леночка, Маринка* (3,6), хотя и не служат средством привлечения внимания кого-то, имеют контактоустанавливающую направленность. Считаем, что они не являются модифицированными предикативными единицами (ср.: *Это ты/ Леночка*), поскольку интенция говорящего заключается не в идентификации. Это положительная реакция узнавания, радости, приятного удивления и т.п. Фатическая функция установления контакта расширяется за счет настраивания собеседницы на непринужденную тональность общения. На этом основании квалифицируем обращения как собственно коммуникативы.

Вопросительная реплика *Мы вас вчера не сильно утомили?* (8) представляет собой типичную предикативную единицу информативно-регулятивной направленности, так как нацелена не столько на запрос фактуальной информации, сколько на развитие контакта. Вчерашняя гостья М. стремится отдать дань вежливости принимавшим их накануне хозяевам и убедиться, что визит не был причиной не совсем праздничного настроения мужа Л. – Сергея (*А то мне показалось что Сережка засыпал совсем*!). Фатическая составляющая рассматриваемой реплики очевидна. Понимая это, хозяйка Л. использует в качестве ответа собственно коммуникатив со значением отрицания категорического характера *Да ты что* (9).

Следующие четыре КСЕ *я так рада была* (10) *что вы пришли* (11) *а то мне показалось* (12) *что Сережка засыпал совсем* (13) являются типичными предикативными единицами, функционирующими в составе сложных единиц. Они передают разную фактуальную информацию.

Нет (14) собственно коммуникатив, выражающий прагматическое значение несогласия, так как используется Л. для оценки мнения собеседницы как несоответствующего действительности.

Ты знаешь (15) – коммуникатив с формальной предикативностью, выполняющий функцию контактного стимула.

Он что-то так на работе переутомляется (16) – типичная предикативная единица в роли информатива, раскрывающего истинные причины «утомленности» мужа.

Подведём итоги.

В континууме коммуникации выделяются три зоны речевых единиц: коммуникативно-информативная зона (передают фактуальную информацию), коммуникативно-регулятивная (передают коммуникативную информацию), дискурсивно-структурирующая (передают дискурсивную информацию). Кроме того, в континууме речевой коммуникации существует, хотя и стоит особняком и реализуется далеко не во всех типах устного дискурса, зона безусловно-рефлекторных проявлений («докоммуникативных» знаков). В результате взаимодействия выделенных зон образуются пространства их наложения. Комплекс зон имеет признаки полевой системности.

Наряду с многофункциональной типичной предикативной единицей, используемой в большинстве зон речевой коммуникации, в языке-речи определенные функции формируют специализированные единицы зон. Особый интерес представляют синкретичные единицы, которые еще не были в сфере внимания исследователей: гибридный коммуникатив, типичные предикативные единицы информативно-регулятивной или регулятивно-дискурсивной направленности, дискурсив и диалогический повтор регулятивно-дискурсивной направленности. Например, типичные предикативные единицы могут синкретично контаминировать фактуальную и коммуникативную информацию. В речи ведущих они используются в качестве приветствия (коммуникативный регулятор) и одновременно представления программы или ведущего (информатив): *Встречайте утро/ в прямом эфире на канале «Россия»!*, *Доброго утра вам желает вся наша бригада/ и я/ Михаил Ситин!*; в качестве конвенционализованной формулы прощания и информирования о следующем выходе в эфир: *Завтра в это же время дня обязательно увидимся*!.

Выявленные синкретичные единицы относятся к разным звеньям шкалы переходности (пространствам наложения зон речевой коммуникации), демонстрируют дискретно-континуальную природу языка – речи. Диффузность зон определяет и диффузность функций данных единиц.

Основные антиномии «говорящий – слушающий», «экономия – избыточность» разрешаются в устной речи благодаря кли-

шированности, конвенционализированности большого числа единиц. Поскольку в стандарте заинтересованы как говорящий, так и слушающий, естественно расширение общественного диапазона функционирования клишированных и конвенционализированных единиц: универсальная многофункциональная типичная предикативная единица всё чаще «уступает место» специализированной маркированной речевой единице – коммуникативу.

Процесс формирования коммуникативов продолжается. На пути «коммуникативизации» и «дискурсивизации» отмечаются единицы с разной степенью утраты номинативного содержания и свернутости структуры. В связи с ускорением темпа жизни наблюдается активизация коммуникативных процессов: 1) функциональной конвенциализации типичных предикативных единиц, приводящей к угасанию в них информативной функции, 2) формирования коммуникативов как собственно речевого, так и языкового уровней. Названные процессы так и хочется обозначить емкой формулой В.Г. Костомарова – «*Наш язык в действии*».

Для выявления специфики функционирования основных и вспомогательных единиц речевой коммуникации в разных типах устной речи были проанализированы разговорно-бытовой, массово-информационный и научный дискурсы. Можно говорить о том, что каждый тип устного дискурса в зависимости от сферы и среды общения характеризуется своим соотношением информативного, регулятивного и дискурсивного «векторов» (термин В.Г. Костомарова), определяющим и соотношение в нём речевых единиц, что реализует тезис о языковом единстве и речевом варьировании.

Для разговорно-бытового дискурса строительным материалом служат в основном единицы первых двух зон: коммуникативно-информативной и коммуникативно-регулятивной, а также пространства их наложения. Единицы дискурсивно-структурирующей зоны здесь практически не представлены, так как они менее всего релевантны для разговорно-бытового диалога, не ориентированного из-за наличия обширной общей апперцепционной базы коммуникантов на возможность множественности интерпретаций и в связи с этим на необходимость чёткой организации дискурса.

В массово-информационном дискурсе функционируют речевые единицы всех трёх зон речевой коммуникации и пространств их наложения (можно сказать, что этот тип дискурса «покоится на трёх китах»). По сравнению с разговорно-бытовым дискурсом здесь значительно увеличен удельный вес дискурсивов, а также единиц дискурсивно-структурирующей зоны в целом.

Строительным материалом для научного дискурса служат в основном единицы двух зон: коммуникативно-информативной и дискурсивно-структурирующей.

Таким образом, разработанная типология единиц речевой коммуникации (детализация существующей классификации) позволила описать наименьшие структурные единицы устной речи, определить их системное взаимодействие и коммуникативный потенциал, тем самым способствуя решению актуальной для русистики проблемы. Эта типология речевых единиц служит опознаванию «неопознанных синтаксических объектов» реальной устной речи.

Совокупность полученных результатов создает фундамент нового направления синтаксиса – изучения не только отдельных синтаксических единиц, а всей реальной коммуникации как динамично меняющегося полевого устройства. Предпринятый нами двусторонний парадигматико-синтагматический подход к изучению речевых единиц приводит к выводу о продуктивности его применения для изучения континуума коммуникации, поскольку позволяет выявить закономерности функционирования языковой системы в разных речевых сферах, а также осознать «гибкую стабильность» (В. Матезиус) двусущностного единства язык – речь, динамичность полевой структуры зон коммуникации.

Примечания

¹ См.: Андреева С.В. Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи // ВЯ. 2004. №5; Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. 2-е изд., испр. М., 2006.

² См.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С.47.

³ См., напр.: Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973; Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Т.2. Синтаксические особенности. М., 1994; Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Раз-

- говорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов, 1992; М., 2003 и др.
- ⁴ См. подр.: *Андреева С.В.* Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. Саратов, 2005; Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. 2-е изд., испр. М., 2006.
- ⁵ См.: *Йокояма О.Б.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.
- ⁶ *Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. №1. С.13.
- ⁷ *Валимова Г.В.* Функциональные типы предложения в русском языке. Ростов н/Д, 1967; *Викторова Е.Ю.* Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999; *Гаврилова Г.Ф., Кожина Е.К.* Коммуникативы в системе синтаксиса: коммуникативы и предложения // Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного. Ростов н/Д, 2002; *Киприянов В.Ф.* Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов в русском языке // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1975. №3; *Колокольцева Т.Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001; *Курносова Н.А.* Функционально-семантическое поле коммуникативов русского языка // Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения. Харьков, 1991. Ч.2; *Меликян В.Ю.* Проблема статуса и функционирования коммуникативов: язык и речь. Ростов н/Д, 1999; *Прибыток И.И.* Английские синтаксисы. Структура. Семантика. Прагматика. Сферы функционирования. Саратов, 1992; *Сиротинина О.Б.* Лекции по синтаксису русского языка: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. 3-е изд., испр. М., 1980, 2006; *Чхетиани Т.Д.* Специализированные метакоммуникативные сигналы поддержания речевого контакта // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. Краснодар, 1987; *Шаронов В.Н.* Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. №2.
- ⁸ Ограниченным информативным потенциалом (при отсутствии денотативного и сигнификативного значений) отличаются только коммуникативы *Да/Нет* и их модализованные варианты.
- ⁹ См.: *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993; *Кобозева И.М.* Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1991; *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985; *Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина.* М., 1997; *Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания.* М., 1998; *Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство.* М., 2003; *Сиротинина О.Б.* О синтаксическом статусе некоторых компонентов дискурса // *Oameni și idei. Studii de filologie.* Editura Risoprint Cluj. Napoca, 2005; *Манаенко С.А.* Дискурсивное употребление лексических единиц и параметры их функционирования // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь, 2005. Вып.3.
- ¹⁰ Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, S. Conrad, E. Finegan. Harlow, 2000; A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. Harlow, 2003.
- ¹¹ *Rey J.* Discourse Markers: a Challenge for Natural Language Processing // AI Communications. 1997. №10.
- ¹² *Schiffirin D.* Discourse markers. Cambridge University Press, 1988; *Kim J.H., Glass M., Freedman R., Evans M.W.* Learning the Use of Discourse Markers in Tutorial Dialogue for an Intelligent Tutoring System // Proc. 22nd Annual Meeting of the Cognitive Science Society Cog Sc '2000. Philadelphia, 2000; *Louwerse M.M., Mitchell H.H.* Toward a Taxonomy of a Set of Discourse Markers in Dialog: A Theoretical and Computational Linguistic Account // Discourse Processes. 2003. №35(3).
- ¹³ *Шведова Н.Ю.* К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // ВЯ. 1956. №2. С.70.
- ¹⁴ См.: *Кулинич Л.В.* О психолингвистическом аспекте изучения повтора // Фонетические средства создания стилевой дифференциации устного текста в английском языке. М., 1984; *Прибыток И.И.* Английские синтаксисы...; *Викторова Е.Ю.* Коммуникативы в разговорной речи...
- ¹⁵ См.: *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; *Святогор И.П.* Повторы как средство синтаксической связи реплик в современном русском языке // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Русский язык. М., 1960; *Тарасенкова Е.Ф.* О структурно-синтаксических особенностях диалогического единства: Реплики-повторы // Науч. тр. Кубан. ун-та. 1973. Вып.171; *Кулинич Л.В.* О психолингвистическом аспекте изучения повтора...; *Бырдина Г.В.* Динамическая структура русской диалогической речи. Тверь, 1992; *Разноглядова Н.В.* Повтор как категория художественного текста в неблизкородственных языках (на материале произведений Т. Манна и их русских переводов): Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998; *Михайлюк Н.М.* Диалог взрослого с ребенком: способы позиционирования слушающего // Моск. лингвистический журн. 2003. Т.7, №2. Речевой этикет: семантика и прагматика.
- ¹⁶ В научной литературе нам не встретилось коммуникативно-функциональной типологии ДП устной речи. Почти все исследования ДП проводились на материале диалогов художественных произведений, которые не могут отражать всех особенностей спонтанной речи, так как подчиняются замыслу писателя и несут эстетическую нагрузку.
- ¹⁷ См.: *Андреева С.В., Плотникова А.В.* Дискурсивный повтор в системе средств устной коммуникации // Русский язык и славистика в наши дни. М., 2004.
- ¹⁸ *Дюрен Ж.* О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002. С.275.
- ¹⁹ *Лурия А.Р.* Язык и сознание. 2-е изд. М., 1998. С.203.
- ²⁰ См.: *Поливанов Е.Д.* По поводу звуковых жестов японского языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С.295.
- ²¹ См. подр.: *Андреева С.В.* «Докоммуникативные» знаки и их место в системе средств устной коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. Вып.5.
- ²² Фрагмент разговора взят из: *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001. С.352–353.

